

Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 21–39.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Японская агрессия в Китае и чувство вины

П.В. Кульнева

Аннотация. Груз исторической памяти, связанной с японской агрессией в Китае в 1930-е – 1940-е годы, отчётливо проявляется в японо-китайских отношениях на современном этапе. В связи с этим важно понять, в чём заключается причина разногласий: почему китайская общественность считает, что японская сторона недостаточно осознала трагичность событий военного периода, в то время как японцы недовольны постоянными напоминаниями о прошлом со стороны своего соседа. В статье сделана попытка хотя бы частично разобраться в этом противоречии и понять, имеет ли место чувство вины в послевоенной Японии и как оно проявляется.

В статье чувство вины за японскую агрессию анализируется с двух основных ракурсов: с точки зрения проблемы компенсации морального и материального ущерба, которая подразумевает рассмотрение вопроса с позиции государства и его субъектов (первая часть), и с точки зрения осознания японским народом трагедии произошедшего и вытекающего из этого чувства вины (вторая часть). В первой части статьи после обобщения обстоятельств капитуляции Японии на основе известных исторических фактов и анализа материалов, отражающих разные точки зрения на проблему, объясняется, почему извинения японской стороны за агрессию и компенсация материального ущерба пострадавшим странам (в частности, Китаю) считаются слишком поздними и недостаточными. Во второй части рассмотрена эволюция исторической памяти в японском обществе в послевоенный период и показано, что японский народ воспринимает историческое прошлое с определённого угла зрения, и представление о войне не является целостным и всеобъемлющим. В заключении сделан вывод о том, что формирование отношения к войне в Японии происходило под воздействием политических факторов и в условиях послевоенной травмы, трансформировавшей общественное сознание. Особо отмечена роль храма Ясукуни как символа японской агрессии и милитаризма для Китая и воплощения торжества мира над войной и боли об ушедших близких для простых японцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японо-китайская война 1937–1945 гг., японская агрессия, коллективная вина, послевоенная травма, историческая память, японо-китайские отношения.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12). E-mail: kpoline@list.ru

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Japanese aggression in China and the feeling of guilt

P.V. Kulneva

Abstract. The influence of historical memory about Japanese aggression in China during the Second Sino-Japanese War (1937–1945) on contemporary Japan-China relations is still very noticeable. Therefore, it is important to look into fundamental reasons for the long-lasting disagreement between the countries on the events of the war. The key here is to understand why Chinese society still believes that the Japanese side has not fully realized the tragedy of the events and has not sufficiently apologized for its military actions, while Japanese people are displeased with constant reminders from China about the past. The article seeks to address this controversy and to clarify whether the feeling of guilt could be seen in post-war Japan and how and whether it was expressed on different levels, from the Emperor to common Japanese people.

The article is divided into two main sections. The first section is focused on the problems of moral and material compensation to China after the war: the process of settling these issues is described, while putting an emphasis on the circumstances which led to major problems in mutual understanding and acceptance of Japan's apologies by China. In the second section, the development of historical memory in Japan in the post-war decades is investigated. After analyzing Chinese and Japanese sources, the author comes to the conclusion that, in addition to the mentioned issues with apologies and reparations, gradual fading away of historical memory in Japan after the war (partially caused by the post-war social trauma) also contributed to the understanding that the feeling of guilt in Japanese society was not sufficient. At the same time, visiting Yasukuni Shrine to commemorate the souls of those who died for the Emperor does not necessarily mean that Japanese people do not feel guilty for the aggression.

Keywords: World War II, Second Sino-Japanese War, Japanese aggression, collective guilt, WW2 trauma, historical memory, Japan-China relations.

Author: *Kulneva Polina V.*, PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: kpoline@list.ru

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

Введение

Япония и Китай, ставшие к настоящему времени двумя мировыми лидерами в мировой экономике и политике, связаны длительной историей тесных контактов. Однако насколько благоприятно развивались японо-китайские отношения в различных сферах, настолько серьёзными были противоречия и разногласия между странами.

Главным предметом долгого и болезненного конфликта, который не утихает уже более 70 лет, является ущерб, нанесённый японской армией китайскому государству и мирному населению в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. (кит. – «войны сопротивления японским захватчикам»)¹ и отношение к этому ущербу. Немаловажно, что ущерб измеряется не только количественными показателями, но и жестокостью японских военных. Кровавой

¹ К войне 1937–1945 гг. в китайских источниках часто присоединяют японскую экспансию в Маньчжурии, на Корейском полуострове и на Тайване, начавшуюся в 1894 г. Тогда продолжительность непрерывной японской агрессии оценивается в 51 год (см., например, [Сунь, 2006, с. 2]) (*Прим. авт.*).

страницей истории стало шестинедельное наступление японской армии в г. Нанкин в конце 1937 – начале 1938 г., сопровождавшееся массовыми убийствами гражданского населения и изнасилованиями. По разным оценкам число погибших в Нанкинской резне составило от 40 тыс. до 500 тыс. человек. Известно также о деятельности в Китае японского «Отряда 731», производившего жестокие эксперименты над мирными жителями с научными целями, и об учреждённых японцами многочисленных «станциях утешения», эксплуатировавших труд сексуальных рабынь.

Согласно китайским источникам, всего за 8 лет войны сопротивления японским захватчикам были убиты 35 млн китайских граждан, большая часть из которых – мирное население [Си Цзиньпин цзай Наньцзин...]. Хотя эта цифра выше оценки японских и западных историков, будучи озвученной китайской стороной, она отражает степень обиды Китая на японскую агрессию. Показательно, что в последние десятилетия официальная оценка КНР потерь, понесённых в войне, несколько раз повышалась [Кокумин кандзё: о рию: ни...], отражая эскалацию проблемы.

Груз исторической памяти отчётливо проявляется в японо-китайских отношениях на современном этапе. В первую очередь важно отметить, что память о военных событиях стала главной причиной негативного отношения двух народов друг к другу. Согласно последнему опросу общественного мнения японской неправительственной организацией Genron NPO, более 50 % китайских респондентов плохо относятся к Японии, и главная причина такого отношения заключается в том, что Япония «не раскаялась должным образом и не принесла извинений за вторжение на китайскую территорию» во время войны 1930-х – 1940-х годов [Дай 15-кай..., с. 2–5]. Это означает, что, по мнению китайской общественности, японское государство и японский народ не осознали в должной мере трагичность событий военного периода и не только не принесли подобающих извинений, но и не испытывают чувства вины.

Отношение японской аудитории к Китаю, несмотря на тесные контакты с этой страной, также остаётся преимущественно негативным, и главная причина этого, согласно тому же опросу, заключается в критике со стороны КНР в связи с историческими проблемами. Помимо того, что постоянные упоминания о военных событиях уязвляют национальную гордость японцев, масштабные антияпонские демонстрации 2005 и 2012 г., спровоцированные в том числе и разными взглядами на подобающее для бывшего агрессора поведение², привели к огромным потерям японского бизнеса и отразились на показателях японо-китайских экономических связей – торговле, инвестициях, туризме.

Таким образом, неразрешённость исторических проблем остаётся серьёзным препятствием в развитии японо-китайских отношений, и цель этой статьи состоит в том, чтобы хотя бы частично разобраться в этом противоречии. Объектом исследования является чувство вины, связанное с японской агрессией в Китае. Предмет исследования – проявление в Японии чувства вины за агрессию в Китае в 1930-е – 1940-е годы и отношение в каждой из стран к данной проблеме.

² В начале 2000-х годов нарастало недовольство соседей Японии в связи с регулярными визитами японского премьер-министра Дз. Коидзуми в храм Ясукуни, где в число почитаемых воинов, погибших за японского императора, включены также осуждённые Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ) преступники «класса А». Постоянной проблемой на протяжении многих десятилетий остаётся также спор о том, как военные события должны освещаться в учебниках истории (*Прим. авт.*).

Изучение различных сторон проблемы может пролить свет на глубинные причины возникающих конфликтов и перспективы их урегулирования. Прежде всего, необходимо понять, как проявляется чувство вины (и проявляется ли оно вообще) на разных уровнях, от японского государства до японского народа и отдельных его представителей, параллельно выявляя наиболее острые точки взаимного непонимания.

Чувство вины и компенсация ущерба

После Второй мировой войны появилось понятие так называемой коллективной, или национальной вины, которое относили преимущественно к Германии, подразумевая ответственность за преступления, содеянные во времена Третьего Рейха. Признание вины на национальном уровне подразумевает компенсацию морального и материального ущерба – принесение официальных извинений государственными лидерами жертвам агрессии и выплату репараций. Как государство-агрессор, который потерпел поражение в войне, Япония не стала исключением в вопросах официального признания вины и компенсации ущерба.

На национальном уровне поражение Японии и ответственность военных преступников за «совершённые зверства» были юридически признаны 2 сентября 1945 г. при подписании Акта о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури», которое означало принятие условий Потсдамской декларации. С 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., во исполнение пункта 10 Потсдамской декларации, в Токио прошёл Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), где семеро обвиняемых, включая двух бывших премьер-министров Японии К. Хирота и Х. Тодзио, были приговорены к смертной казни через повешение и казнены, 15 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, ещё трое – к разным срокам заключения.

Открытым, однако, оставался вопрос индивидуального урегулирования морального и материального ущерба с каждой из пострадавших стран. 8 сентября 1951 г. между частью стран антигитлеровской коалиции и Японией был подписан Сан-Францисский мирный договор, который официально прекратил состояние войны и определил порядок урегулирования отношений бывшего агрессора с союзными державами, в частности, обязал Японию немедленно вступить в переговоры со странами, которые «были оккупированы японскими вооруженными силами и потерпели ущерб от Японии, с целью оказания этим странам помощи в деле компенсации стоимости нанесённого ущерба» [Treaty of Peace with Japan..., Article 14]. При этом, имея в виду ограниченность ресурсов разрушенной войной экономики, Японии было дано время на согласование процедуры выплаты репараций и предоставлена гибкость в выборе их формы. Из-за гражданской войны в Китае компенсация материального ущерба этой стране (которая по этой же причине не подписала Сан-Францисский мирный договор) приобрела нестандартную форму, о которой будет рассказано ниже.

В отличие от материальной стороны вопроса, для гибкого урегулирования которой существовали объективные экономические и политические основания, моральная сторона, связанная с чувством вины за ущерб, нанесённый пострадавшим странам, казалось бы, не терпела отлагательств. Тем не менее, Токио обвиняют в слишком позднем и недостаточном выражении официальных извинений за агрессию и кровавые преступления. Адресные

извинения жертвам японской агрессии стали звучать только при нормализации с ними дипломатических отношений [Lind, 2009, pp. 132–134]. Так, в 1965 г., при подписании Базового договора об отношениях между Японией и Южной Кореей, премьер-министр Японии Сиина Эцусабуру впервые выразил корейскому народу «глубокое сожаление о печальном периоде в длительной истории отношений двух стран» [Yamazaki, 2006, p. 140]. Что касается Китая, то слова об остром осознании ответственности за серьёзный ущерб, нанесённый китайскому народу в период войны, и глубоком раскаянии Японии в событиях прошлого были включены в «Совместное коммюнике правительства Японии и Китайской Народной Республики» при подписании его в 1972 г. премьер-министром Японии Танакой Какуэем и премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем.

Главная причина, по которой публично не прозвучали слова императора Хирохито о сожалении или раскаянии (хотя многие люди в Китае, на Тайване, в Корее и в Юго-Восточной Азии считали его лично ответственным за развязывание войны и настаивали на том, чтобы он был наказан как военный преступник), вероятно, состоит в его особом положении в японской политической системе. В годы оккупации Японии Союзными войсками (1945–1952) верховное командование во главе с Дугласом Макартуром искало эффективные рычаги влияния для проведения требуемого курса. Большую озабоченность США в послевоенные годы вызывал подъём коммунистических сил в СССР и Китае, Япония же занимала стратегически важное положение в регионе и могла сыграть ключевую роль в благоприятном исходе холодной войны. Считается, что император был спасён от преследования в силу своего огромного влияния и потенциальной пользы, которую мог принести для утверждения прочных позиций Союзных войск в Японии. В связи с этим, Оккупационные войска стремились дистанцировать императора от ответственности, он не был осуждён МВТДВ и был представлен в глазах общественности как жертва своего окружения. Как отмечают американские историки Стерлинг и Пегги Сигрейв, на протяжении последующих сорока четырёх лет своей жизни Хирохито ни разу публично не признал личной ответственности за войну, так как был вынужден лавировать между требованиями американской администрации и доверием японского общества [Сигрейв С., Сигрейв П., 2005, с. 31].

Роль императора Хирохито в войне и положение, в котором он оказался после капитуляции Японии, является темой отдельного исследования, в которой до сих пор остаётся много неясных деталей и обстоятельств. Со временем появляются новые материалы и свидетельства, проливающие свет на моральные аспекты восприятия военных событий ключевыми государственными фигурами Японии. Согласно недавно обнаруженным документам, в 1952 г. император хотел включить слова о сожалении и раскаянии в свою речь по случаю возвращения Японии независимости после оккупации, но был остановлен главой управления императорского двора М. Тадзимой и премьер-министром С. Ёсидой, которые боялись, что народ обвинит его в развязывании войны. В документах указано также, что императору было рекомендовано больше никогда не употреблять слов «война» и «поражение» [Emperor Showa prevented from expressing...].

Согласно ещё одному свидетельству, ближе к концу оккупации император якобы хотел принести официальные извинения главнокомандующему оккупационными войсками Д. Макартуру за жестокие действия Японии во время войны, в том числе за атаку на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., но тот грубо отверг его стремление. По словам П.Л. Тирни,

занимавшего в период оккупации Японии должность уполномоченного США по вопросам искусства и памятников, Макартур «даже не пустил императора на порог» в день, когда должен был состояться этот разговор. Имея в виду огромный вес, который придаётся извинению в японской культуре, Тирни обвиняет Макатура в «культурном невежестве» и считает, что его грубое поведение имело серьёзные исторические последствия [MacArthur aide...].

Так или иначе, «спасение» императора от суда, которое, с одной стороны, сохранило его лицо, вынудило его жить с тяжёлым грузом ответственности (разумеется, не только перед жертвами японской агрессии, но и перед японским народом) и постоянных мыслей о своей роли в войне. Известно, что за два года до смерти, в 1987 г. император написал в своём дневнике, что «не видит никакого смысла жить дольше», так как «это только повышает шансы видеть и слышать то, что мучительно» [Сё:ва тэнно: «хосоку нагаку икитэмо...].

После нормализации отношений с КНР, в 1970-е, 1980-е, 1990-е годы, и в первые десятилетия XXI в., премьер-министры, министры иностранных дел, сотрудники дипломатических миссий и другие высшие должностные лица Японии по разным случаям произносили слова сожаления о войне. Упомянул о войне как о «несчастливой странице истории» и император Акихито в 1989 г., когда встречался с прибывшим в Японию премьером Госсовета КНР Ли Пэном, а после этого – в 1992 г., когда сам посетил КНР. Среди заявлений премьер-министров наибольшую известность получила речь Т. Мураямы по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, где он признал, что Япония своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других стран, в особенности азиатских, и принёс им чистосердечные извинения. Речь Т. Мураямы известна тем, что в ней впервые было выражено отношение правительства Японии к военным событиям. На неё впоследствии ссылались другие японские премьер-министры, и она до сих пор размещена на сайте МИД Японии как официальное воплощение чувств глубокого сожаления о войне на уровне японского государства.

Несмотря на многократные упоминания о войне высшими должностными лицами Японии, Китай не считает, что вина за агрессию признана страной в достаточной степени. Помимо того, что извинения были принесены слишком поздно, возмущение Пекина вызывает их слишком общий характер и неконкретность формулировок: японская сторона не указывает, перед кем она извиняется (в большинстве случаев речи адресованы народам Азии в целом или «народам Азии, в том числе китайскому»), за какие именно действия, за какой период истории и т.п. Кроме того, недовольство вызывает отсутствие всех необходимых формальностей: речи высших должностных лиц в большинстве своём не подкреплены официальными документами. Дипломатического документа не было, например, после речи Т. Мураямы; не было его и после речи премьер-министра Дз. Коидзуми в 2001 г. (хотя он извинился тогда адресно перед Китаем) [Жан гоцзя вэй лиши цзуйго даоцянь...].

Пытаясь объяснить это противоречие, можно отметить, что здесь такая национальная черта японцев, как неконкретность и уклончивость в выражении мыслей, сталкивается с более привычной для китайцев конкретностью и прямолинейностью, хотя во многих случаях японская неконкретность, в целом, не меняет сути высказывания. Кроме того, как отмечает российский исследователь Д.В. Стрельцов, в рамках китаеццентристской вассально-даннической системы внешнее проявление церемониала оказывается существенно более важным, нежели содержательная сторона японо-китайских отношений. В связи с этим

«огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранное для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято» [Стрельцов, 2014, с. 16 (со ссылкой на известного российского дипломата Г.Ф. Кунадзе)].

По этим же причинам большое внимание уделяется в Китае выбору подходящих слов японской стороной. Из-за обманчивого сходства *канго*³ с китайскими словами нередко возникает недопонимание и даже курьёзные случаи, как это произошло, когда К. Танака употребил в 1972 г. слово *мэйваку* (迷惑 – «беспокойство») и его перевели китайским словом *мафань* – 麻烦, употребляемым для обозначения несоизмеримо меньшего ущерба, чем жестокие убийства десятков миллионов мирного населения. Не всегда уместным, особенно при отсутствии необходимого контекста, считается и без того слишком широкое понятие *хансэй* / 反省 (кит. – *фаньсин*), которое, тем не менее, в японской культуре является сильной моральной категорией, подразумевающей глубокий самоанализ. Негативно воспринимаются китайской аудиторией и слова императора Акихито о «несчастливой странице истории», хотя, как отмечают японские источники, это самое большое, что мог позволить император согласно своему статусу [Такэнака, 2018, с. 113].

Практически для каждого официального высказывания, связанного с войной, находился повод, чтобы обвинить японскую сторону в неискренности, и извинения так и не были приняты широкой китайской общественностью. Несмотря на достаточно конкретные и исчерпывающие слова премьер-министра Дз. Коидзуми, его извинения омрачались регулярными визитами в храм Ясукуни, где по синтоистским традициям почитаются души воинов, погибших за родину, в том числе военных преступников «класса А».

В то же время, в последние десятилетия речи премьер-министров Японии, связанные с войной, объективно становились менее сильными. При наличии тех же ключевых слов в речах Т. Мураямы и С. Абэ («колониальное правление», «агрессия», «глубокий самоанализ», «чистосердечные извинения»), акценты в речи С. Абэ расставлены иначе. Если Т. Мураяма, говоря о колониальном правлении и агрессии, указывает на ошибку в государственной политике, С. Абэ объясняет действия Японии внешними факторами. Если Т. Мураяма, говоря о глубоком самоанализе и чистосердечных извинениях, употребляет личное местоимение, то у С. Абэ звучат собирательные отсылки к «нашей стране» и «предшествующим кабинетам министров». Помимо того, что С. Абэ подчёркивает что Япония тоже была жертвой войны и ищет оправдание для её действий, он также пытается снять ответственность с будущих поколений, говоря, что «не хочет возлагать на них бремя вины» [Такэнака, 2018, с. 121]. В связи с этим неудивительно, что извинения японской стороны вызывают в Китае всё большее недовольство.

Очевидно, что на риторику, связанную с войной, влияют задачи внутренней и внешней политики для каждого нового кабинета министров Японии, и эти задачи становятся всё более сложными. Ещё при К. Танака МИД Японии выразил недовольство, когда слово *мэйваку* было неофициально переведено на английский язык китайской стороной как «deep repentance», сказав, что это слово следует заменить на более нейтральный вариант «deep reflection and self-examination». По мнению японского профессора Ябуки Сусуму, выбор

³ *Канго* – пласт лексики, заимствованной Японией из китайского языка более 1000 лет назад. За долгое время функционирования в японском языке нюансы значений и употребления многих *канго* существенно изменились (Прим. авт.).

более мягкой формы извинений связан с желанием угодить правым силам Либерально-демократической партии Японии, которые выступали против разрыва дипломатических отношений с Тайванем и нормализации отношений с КНР [Ябуки, 2004]. В последние десятилетия, в условиях обострения ряда проблем в японо-китайских отношениях, таких как конфликт вокруг островов Сэнкаку / Дяоюйдао в Южно-Китайском море и возрастающая глобальная конкуренция двух стран в мировой экономике и политике, выбор неподходящих слов и тона в высказываниях о войне могут продемонстрировать излишнюю мягкость и создать повод для чрезмерных требований к Японии.

Жёсткие политические рамки и ограничения бюрократической машины не означают, однако, что у японских политиков отсутствовало чувство вины и они не хотели выразить своё сожаление и каким-то образом компенсировать ущерб. Как объяснил К. Танака при обсуждении проблемы перевода *мэйваку* с Чжоу Эньлаем, «слова о том, что кто-то «нанёс *мэйваку*», в японском языке означают, что вам приносят искренние извинения, обещают больше никогда не повторять сделанной ошибки и просят простить, если это возможно», отметив, что если у Чжоу Эньлая есть «более подходящее слово, чтобы передать эту мысль», японская сторона может «пересмотреть [формулировку] в соответствии с [китайскими] традициями» [Ябуки, 2004]. В результате формулировка, внесённая в «Совместное коммюнике правительства Японии и Китайской Народной Республики» 1972 г., была иной, и проблема была на тот момент решена. Как известно, Т. Мураяма после ухода из политики (2000 г.) стал президентом Фонда азиатских женщин, который в начале 2000-х годов занимался вопросом компенсаций бывшим «женщинам для утешения». Последующие премьер-министры Японии также выражали свои извинения «женщинам для утешения», посещали Мост Марко Поло⁴ и Мемориальный зал жертв в Нанкине (правда, не всегда в своём статусе, а уже после отставки). Тем не менее, этих жестов было недостаточно для принятия японских извинений китайской стороной. То же касается и материального ущерба.

Быстрое восстановление экономики позволило Японии приступить к выплате репараций уже в 1950-е годы. Однако, как и в случае с официальными извинениями, компенсация материального ущерба Китаю затянулась. В то время выплата репараций только что образовавшейся Китайской Народной Республике была невозможна из-за отсутствия с ней дипломатических отношений. Тайвань же (Китайская Республика), который мог бы даже с бóльшим основанием претендовать на компенсацию ущерба, так как был японской колонией с 1895 по 1945 г., отказался от репараций под давлением США, не заинтересованных в ослаблении Японии [Ковригин, 2012, с. 11–12].

В дальнейшем, при нормализации отношений с КНР в 1972 г., от финансовых претензий к Японии отказался уже Мао Цзэдун, приоритетами которого были на тот момент изоляция Тайваня и признание КНР в качестве полноценного члена мирового сообщества. В результате Япония так и не выплатила Китаю репараций в традиционном понимании, и это стало ещё одной причиной для нападков на Японию и осложнений в японо-китайских отношениях в связи с исторической памятью.

Своеобразной заменой репараций и их дополнением при компенсации ущерба жертвам японской агрессии стала официальная помощь развитию (ОПР) в виде грантов, технического

⁴ Кит. *Лугоуцяо* – место, где в июле 1937 г. произошёл инцидент, послуживший формальным поводом для начала японо-китайской войны (*Прим. авт.*).

содействия и бесплатных или низкопроцентных иенных займов. Ожидаемо, что особое место среди реципиентов японской ОПР занял Китай: за всё время предоставления помощи этой стране (она продолжалась с 1979 по 2008 г.) в КНР было направлено около 45 млрд долл. США, или 20 % всех средств, а среди стран-доноров ОПР в Китае доля Японии превышала 60 % [Ковригин, 2012, с. 10]. Одной из ключевых причин такого внимания к КНР, как отмечает российский японовед-экономист Е.Б. Ковригин, было именно чувство вины – моральные обязательства по отношению к бывшей жертве агрессии [Ковригин, 2012, с. 13].

В то же время, хотя появление такой формы сотрудничества со странами Азии, как ОПР, было связано с ответственностью Японии за агрессию, и одним из мотивов предоставления помощи была компенсация ущерба пострадавшим странам, большой вес для Японии имела также экономическая мотивация и собственный престиж. На практике при предоставлении ОПР большую роль стали играть «гуманитарные соображения» и «соображения пользы» [Ковригин, 2014, с. 42]. К примеру, ОПР помогла создать в странах-реципиентах необходимую для развития бизнеса японских компаний инфраструктуру, познакомиться с деловой средой, сформировать в этих странах более комфортные условия для японских граждан и, в целом, гарантировать национальную безопасность Японии. Именно это определило неприятие данной формы компенсации материального ущерба в Китае, где ОПР воспринимается как дешёвая замена репараций [Жибэнь дуйхуа чжэнфу...].

Немаловажным обстоятельством является и то, что роль ОПР как компенсации материального ущерба странам, пострадавшим от японской агрессии, изначально не афишировалась: связь помощи с репарациями в официальных документах не упоминалась, а источником финансирования основной её части стал не госбюджет, а специальная Программа финансовых инвестиций и кредитов, пополняемая через почтово-сберегательные кассы [Ковригин, 2012, с. 13]. До сих пор в социологических опросах, связанных с ОПР, отсутствует какая-либо увязка этой помощи с военным прошлым. Обследования отношения японского общества к ОПР проводятся в основном на предмет осведомлённости аудитории о целях расходования средств и роли Японии в международной политике содействия развитию [ODA ни кансүру исики тэ:са; Нихон ни окэру сэйфу кайхацу эндзэ ...]. Само понятие «ОПР», в отличие от «репараций» не несёт в себе негативного заряда и не внушает японскому обществу чувства вины. Всё это согласуется с послевоенным курсом на обеспечение социальной стабильности и смягчение военной травмы у японского общества, который заслуживает отдельного рассмотрения.

Чувство вины в условиях смягчения послевоенной травмы

Быстрое восстановление экономики и стремительный рост уровня жизни населения в послевоенные десятилетия способствовали постепенному стиранию памяти японского народа об ужасах войны. В то же время, на социальную стабильность и смягчение военной травмы была ориентирована внутренняя политика, в центре внимания которой, помимо всего прочего, были сфера образования и массовая культура.

Учебники истории в послевоенные десятилетия ограничивались довольно кратким и неполным описанием военных действий, и их содержание жёстко контролировалось сетью созданных при поддержке Министерства образования комиссий по проверке учебников

[Nozaki, 2008, pp. 11–12]. Этой же линии следовал и японский кинематограф 1950-х – 1960-х годов, который старался показывать более приглядные стороны военных событий и избегать острых проблем, способных плохо сказаться на самооценке японских зрителей [Wilson, 2013, p. 539].

Отсутствие достаточной информации и стирание памяти способствовали формированию нейтрального, не отягощённого чувством вины отношения к военным событиям в целом. Более того, как отмечает японская исследовательница Огава Суюко, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в которых, по японским оценкам, погибли, соответственно, 140 тыс. и 70 тыс. мирных жителей Японии (включая тех, кто умер позже от радиации), привели к тому, что в японском обществе преобладало восприятие своей страны как жертвы военных действий, а не агрессора. С. Огава считает, что, в отличие от Германии, Япония не была обременена чувством национальной вины за военные преступления именно по этой причине, а также вследствие цензуры и из-за удалённости страны от эпицентра военных действий [Ogawa, 2000, p. 43].

Как утверждает китайский исследователь Ван Гуантао, в послевоенные десятилетия у японского народа не было массового осознания коллективной вины перед другими государствами. Япония тоже пострадала в войне, и внимание политиков, предпринимателей, учёных и журналистов было сосредоточено на внутренних проблемах страны. В частности, важнейшей заботой для руководства страны были демилитаризация Японии, восстановление экономики, преодоление бедности и голода и поддержание уровня жизни населения, который позволит Японии встать на путь демократии и пацифизма. Понимание проблемы ответственности и долга, как отмечает Ван, было довольно поверхностным. Народ в основной своей массе считал, что «Япония должна выплатить репарации потому, что проиграла в войне», а не потому, что инициировала вторжение на территорию чужого государства, нанесла ущерб его народу и должна за это расплатиться [Ван, 2016, с. 54–59]. Таким образом, к моменту нормализации отношений с Китаем (как в 1952 г., когда были установлены дипломатические отношения с Китайской Республикой, так и в 1972 г. при подписании Совместного коммюнике с Китайской Народной Республикой) Япония пришла с уровнем ответственности, который, как считает Ван, был недостаточно высоким [Ван, 2016, с. 61].

В то же время, нельзя утверждать, что чувство вины за агрессию в японском обществе отсутствовало. Прогрессивная японская интеллигенция, заставшая войну, – писатели, учёные, предприниматели считали, что Япония и её жители находятся в моральном долгу перед Китаем и страдания китайского народа были жертвой ради будущего величия Японии. Для некоторых из них чувство вины было связано с личным опытом и воспоминаниями [Ogata, 1965, p. 392].

На восприятие исторических аспектов отношений с КНР повлиял рост политической, экономической и культурной дистанции между странами в послевоенные десятилетия. После своего поражения Япония с готовностью приняла не только разработанную США новую конституцию, предложенные политическую и экономическую модели, но и новую систему ценностей, и послевоенное поколение японцев воспитывалось в принципиально новых условиях, характеризующихся возрастающим влиянием американской культуры в различных сферах общественной жизни. Китай же становился для жителей Японии всё более далёкой страной. Если поколение японцев, родившихся до войны, испытывало к своему соседу

чувство родства, хотя и смешанного со страхом и унаследованным от довоенного антикитайского образования пренебрежением [Ogata, 1965, pp. 390–391], то для следующего поколения, жившего уже в период минимального числа контактов с КНР, эта страна стала фактически чужой [Хиракава, 2006, с. 4–6].

По вышеупомянутым причинам нельзя говорить и о возможностях получения фундаментальных знаний, связанных с японской агрессией. Сохранявшаяся после войны жёсткая многоступенчатая система контроля над содержанием учебников истории способствовала формированию однобокого представления о военных событиях и их определённой оценки у не одного поколения японцев.

Не останавливаясь подробно на процессах борьбы между прогрессивными и консервативными силами в японской сфере образования⁵, важно сказать о результате выбранного курса. Показателен в этом отношении исследовательский проект «50 лет после войны и японское образование» Специальной японо-китайской комиссии по исследованию учебников, учреждённой Японским союзом учителей совместно с китайскими специалистами, объектом которого стали учащиеся разных ступеней обучения несколько десятков школ и университетов Японии [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996].

Исследование выявило, что учащиеся больше осведомлены о действиях США и европейских союзников в Тихоокеанском театре военных действий, чем о конкретных событиях, связанных с наступлением в Китае. Так, только 8,5 % учеников средней школы, 14,1 % учеников старшей школы и 26,5 % студентов университетов хоть что-то знали об «Отряде 731». Некоторыми знаниями о Нанкинской резне обладали 20,3 % учеников средней школы, 41,6 % учеников старшей школы и 71,7 % студентов при том, что о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки знали около 90 % опрошенных независимо от степени обучения [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 15–17].

Ещё одним важным наблюдением стало то, что осведомлённость аудитории о датах и событиях, связанных с переходом Японии в статус жертвы и с её поражением в войне, оказалась выше, чем о событиях, связанных с агрессией. Так, значительно больше респондентов смогли назвать точную дату капитуляции Японии, дату бомбардировки Хиросимы и дату атаки на Пёрл-Харбор, чем даты Мукденского инцидента⁶ и, собственно, японо-китайской войны [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 18–23].

Наконец, наблюдалась значительная доля сомнения⁷ в вопросах, отражающих оценку событий, а именно – связанных с тем, что послужило причиной войны, кто пострадал в войне и кто в ней виноват. Порядка половины опрошенных (от 40–60 % по большинству позиций), судя по всему, не знают, не уверены или боятся судить о том, лежала ли ответственность за войну на японском императоре, на правительстве и войсках Японии (хотя здесь сомнений несколько меньше), на японском народе, на правительстве Китая (в лице власти Чан Кайши или лидера коммунистов Мао Цзэдуна), на китайском народе, на других народах Азии, в том

⁵ Здесь нельзя не упомянуть профессора Иэнага Сабуро, который активно боролся с Министерством образования за объективность отражения исторических фактов в учебниках истории в 1960-е годы (*Прим. авт.*).

⁶ Мукденский инцидент – подрыв в 1931 г. железной дороги около Мукдена (сегодня Шэньян) и последовавшее за этим наступление японской Квантунской армии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии (*Прим. авт.*).

⁷ Респонденты должны были выбрать варианты, отвечающие на вопрос, и для каждого варианта, помимо «да»/«нет», был возможен выбор опции «не знаю» (*Прим. авт.*).

числе корейском, или же на западных державах [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 24–27].

То же касается и вопроса о том, кто пострадал в войне. Хотя большинство опрошенных отметили, что пострадал китайский народ (от 67 до 77 %, в зависимости от ступени обучения), китайские и корейские женщины (56–77 %), японский народ (60–63 %) и другие народы Азии (48–64 %), по каждому из предложенных вариантов была велика доля сомнения [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 26–28].

Заключение

Можно ли говорить о чувстве вины, если знаний о войне недостаточно и если, к тому же, война воспринимается как безусловное зло, причинившее вред всем вовлечённым в неё странам и народам независимо от того, кто её инициировал?

Высшей ценностью, главным результатом поражения в войне для японского народа стало утверждение мира, пришедшего на смену постоянному страху и лишениям. Вся послевоенная история Японии, начиная от принятия пацифистской конституции, 9-я статья которой провозгласила отказ от создания военных сил и ведения государством военных действий, направлена на утверждение мира, и в умах обычных японцев, включая молодёжь, до сих пор жива идея о том, что достигнутое страной процветание стало возможным в условиях полного отказа от войны. Не случайно обсуждение поправок в 9-ю статью конституции на рубеже XX и XXI в. в связи с изменениями международной обстановки было негативно воспринято японской общественностью.

Нельзя не отметить, что сильные позиции пацифизма в Японии, а также, в целом, резкая смена курса в период американской оккупации и в последующие десятилетия, как ничто другое, говорят об осознании совершённой ошибки [Бенедикт, 2007, с. 342–343]. Однако японское государство предпочло не обременять общество проблемами прошлого, и в соответствии с японской пословицей «прикрыть крышкой то, что дурно пахнет» (*кусай моно ни фута о суру*), старалось способствовать тому, чтобы люди постепенно забывали о плохом. Как указано на сайте МИД Японии, «нельзя ставить будущие поколения в положение, когда они будут вынуждены продолжать извиняться; ответственность лежит на нынешнем поколении, живущем сейчас» [Рэкиси мондай Q&A].

Постоянные напоминания о войне не сочетаются с тем уровнем жизни, который достигнут в Японии к настоящему времени, с моделью общества, ориентированной на обеспечение максимального комфорта для всех его субъектов, на избегание конфликтов и поддержание гармонии любой ценой. В этих условиях историческая память выглядит ненужным грузом, нарушающим спокойную, размеренную жизнь.

Современные японцы не любят говорить о войне. У каждого человека есть на это свои причины: для кого-то война связана с воспоминаниями о погибших родных и близких, для кого-то – с чувством вины за японскую агрессию и ошибки прошлого, для кого-то – с нежеланием поднимать неприятную тему. Так или иначе, ассоциации с войной исключительно негативны даже у молодого поколения, не столкнувшегося с ней напрямую.

Послевоенный путь развития японской визуальной культуры (в первую очередь, поп-культуры – *анимэ, манга, дорама*), которая, как известно, отличается своеобразием, присутствием индустриальных и военных образов и некоей сюрреалистичностью,

свидетельствует о тяжёлой травме и глубоких переживаниях, оставшихся после войны. В связи с поп-культурой, известный востоковед Е.Л. Катасонова приводит слова современного японского художника Мураками Такаси о том, что многие творческие люди, «возможно, переживают трагический опыт Японии, связанный с поражением во Второй мировой войне и с последующей оккупацией. Они переносят жестокую реальность в мультяшные фантазии, плоские, разноцветные и неприкаянные» [Катасонова, 2011, с. 165]. Стремление японских художников и японского общества, «уйти» в мир аниме-фантазий и беспрецедентную популярность этого направления визуальной культуры в Японии, вне всяких сомнений, можно считать защитной реакцией на послевоенную травму.

В заключение нельзя не остановиться на храме Ясукуни, который является одним из главных воплощений памяти о войне в Японии и в то же время, камнем преткновения в отношениях Японии со странами Азии. Посещение Ясукуни официальными лицами Японии приводит к серьёзным дипломатическим конфликтам и массовым протестам, так как жители пострадавших от японской агрессии стран считают святилище воплощением милитаризма, а визиты в него – проявлением неспособности японского народа раскаяться в жестокостях, совершённых во время Второй мировой войны.

Этнический японец Мацумото Кадзуо, родившийся на Тайване в 1925 г. и написавший много книг о Китае, Тайване и китайской культуре в целом, сравнивая японский и китайский менталитет, отмечает, что у двух народов диаметрально противоположное отношение к жизни и смерти. Если в Китае окончательная оценка человеку, в соответствии с пословицей *гайгуань шидин* («закрыв крышку гроба, сделать вывод»), делается при жизни и об искуплении грехов или освобождении от ответственности после смерти не может быть и речи, в Японии все люди после смерти равны и, как говорят по-японски, *синэба хотокэ* («умерев, превращаются в будду»). Какие бы грехи человек ни совершил за свою жизнь, смерть освобождает от ответственности и служит искуплением вины. Именно поэтому в храме Ясукуни считают, что все отдавшие свою жизнь за страну в равной степени заслуживают памяти [Мацумото, 1987, с. 168–173]. Кроме того, как отмечала известный японовед Э.В. Молодякова, согласно вере *синто*, души умерших после смерти утрачивают индивидуальность и сливаются с духом предков. Поэтому праздник умиротворения душ умерших, лежащий в основе ритуальности Ясукуни, призван поддерживать в стабильном состоянии дух *тама*, присущий всей окружающей природе [Молодкова, 2007, с. 51–52].

Чувства, которые вызывает у простых японцев посещение храма, связаны, скорее, с любовью к своей стране, торжеством мира над войной и болью об ушедших близких. По крайней мере, официальная миссия храма состоит в том, чтобы увековечить память погибших и передать будущим поколениям так называемое «сердце Ясукуни», или «сердце умиротворённого государства» (*ясукуни-но кокоро*).

Вместе с тем, имея большое государственное значение, Ясукуни становится оплотом японского национализма. В военно-историческом музее Юсюкан, расположенном на территории храма, продаются книги, отрицающие выводы Токийского трибунала и сам факт Нанкинской резни, не говоря о ракурсе, с которого освещаются военные события как в книгах, так и в самом музее.

Всё это, однако, не может отражать точку зрения японского общества в целом: отчасти – из-за упомянутой отчуждённости современного поколения от событий прошлого, отчасти – из-за того, какой проблемой становится эта болезненная тема для развития отношений

с Китаем. В последние десятилетия интерес японского общества к своему соседу неуклонно повышается, и несмотря на запутанный клубок проблем, всё больше молодых японцев испытывают к этой стране дружеские чувства на фоне активизации двусторонних контактов в различных сферах [Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансүру ёрон тэ:са..., с. 7]. Показательно и то, что в отношении визитов премьер-министра С. Абэ с храм Ясукуни мнение японской аудитории разделилось практически пополам: 45 % респондентов посчитали, что посещение Ясукуни со стороны С. Абэ в декабре 2013 г. было уместным, а 43 % – сочли его неуместным. При этом 47 % посчитали, что визиты следует прекратить [Сюсё: но ясукуни сампай...]. Достаточно большое число японцев, очевидно, не хотят, чтобы проблема исторической памяти препятствовала развитию японо-китайских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баба Кимихико. Сэнго нихондзин ни тоттэ но тю:гоку какумэй, бунка дайкакүмэй, тэнъанъмон дзикэн : [Китайская революция, культурная революция и инцидент на площади Тяньаньмэнь для послевоенного поколения японцев] // ICCS Journal of Modern Chinese Studies, Vol.7 (2), 2014. С. 56–67. (На яп.).

Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб: «Наука», 2007. 360 с.

Ван Гуантао. Нихон но сэнсo: байсё: мондай то тай Тю: сэйсаку : [Проблема военных репараций Японии и её политика по отношению к Китаю] // Хо:сэй ронсю:. 09.2016. № 267. С 43–81. (На яп.).

Дай 15-кай ниттю: кё:до: ёрон тэ:са : [15-е совместное обследование общественного мнения в Японии и Китае] // The Genron NPO. 10.2019. URL: <http://www.genron-pro.net/pdf/15th.pdf> (дата обращения: 07.05.2020). (На яп.).

Жан гоцзя вэй лиши цзуйго даоцянь даоди ю донань : [Как сложно заставить страну извиниться за свои исторические грехи] // BBC News (китайская версия), 29.03.2019. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47721207> (дата обращения: 06.08.2020). (На кит.).

Жибэнь дуйхуа чжэнфу кайфа юаньчжу (ODA) сяну юй чжаньчжэн пэйкуань ю гуаньси ма? : [Связаны ли проекты официальной помощи развитию (ОПР) Китаю с репарациями?] // Sohu. 27.10.2018. URL: https://www.sohu.com/a/271485243_166075 (дата обращения: 08.08.2020). (На кит.).

Катасонова Е.Л. Мураками Такаси и его теория суперплоскости // Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. С. 155–167.

Ковригин Е.Б. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная Экономика. 2014. № 2. С. 40–74.

Ковригин Е.Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная Экономика. 2012. № 3. С. 9–33.

Кокумин кандзё: о рию: ни ко:хё: судзи но со:са о курикаэсу тю:гоку : [Китай продолжает манипулировать официальными цифрами, ссылаясь на народные настроения] // Jbpress. 02.05.2014. URL: <http://jbpress.%20ismedia.%20jp/articles/-/40575> (дата обращения: 01.10.2014). (На яп.).

Мацумото Кадзуо. Тю:гокудзин то нихондзин. Тю:гоку о фукаку рикай сүру : [Китайцы и японцы. Глубоко понять Китай]. Токио: Саймару сюппанкай, 1987. 265 с. (На яп.).

Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония 2007. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2007. С. 48–68.

Нихон ни окэру сэйфу кайхацу эндзё (ODA) ни кансуру ёрон тё:са кэка : [Результаты опроса общественного мнения об ОПР Японии] // Японский институт глобального здравоохранения. 12.2015. URL: <http://jigh.org/wp/wp-content/uploads/2015/12/435f296fd2f1a1e5f63cdec760de53b.pdf> (дата обращения: 29.07.2019). (На яп.).

Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан то кё:касё. Ниттю: но рэкиси ни кансуру исики тё:са : [Учебники и восприятие 15-летней войны японскими учениками и студентами. Обследование отношения к истории японо-китайских отношений]. Никкё:гуми «Сэнго 50 нэн то нихон но кё:ику» пуродзекуто. Ниттю: кё:касё кэнкю: токубэцу иинкай : [Проект Японского союза учителей «50 лет после войны и японское образование». Специальная японо-китайская комиссия по исследованию учебников]. Токио: Адобантэ:дзи са:ба:, 1996. 142 с. (На яп.).

Рэкиси мондай Q&A : [Исторические проблемы: вопросы и ответы] // МИД Японии. 06.04.2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/qa/index.html> (дата обращения: 02.08.2020). (На яп.).

Сё:ва тэнно: «хосоку нагаку икитэмо...» мото дзидзю:-но никки-ни хацугэн : [Слова императора Сёва «даже если я проживу долгую жизнь...» обнаружены в дневнике бывшего камергера] // Асахи симбун. 23.08.2018. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8R33W9L8RUTIL00W.html> (дата обращения: 22.07.2020). (На яп.).

Сигрейв С., Сигрейв П. Династия Ямато / пер. с англ. С.А. Аклаева. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005. 495 с.

Си Цзиньпин цзай наньцин датуша сынанычжэ гоцзя гунцзиши шан дэ цзянхуа : [Речь Си Цзиньпина на национальной траурной церемонии в память о жертвах нанкинской резни] // Синьхуаван. 13.12.2014. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-12/13/c_1113630100.htm (дата обращения: 19.07.2020). (На кит.).

Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Япония 2014. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2014. С. 7–27.

Сюсё: но ясукуни сампай, сампи варэру : [Визит премьер-министра в Ясукуни, мнения разделились] // Нихон кэйдай симбун. 26.01.2015. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASFS26023_W4A120C1PE8000/ (дата обращения: 10.08.2020). (На яп.).

Такэнака Саэко. Сэнсо: то сядзай хё:гэн-ни кансуру ниттю: тайсё: кэнкю: : [Сравнительное исследование формулировок извинений, связанных с войной, с точки зрения японского и китайского языка] // То:ё: дайгаку гакудзюцу дзё:хо; риподзиторы. 12.2018. URL: <http://id.nii.ac.jp/1060/00010252/> (дата обращение: 06.08.2020). (На яп.).

Хиракава Сатико. 40-дай нихондзин но Тю:гокукан о сагуру : [Исследуя восприятие Китая японцами, родившимися в 40-е годы]. COE-CAS Working Paper №32. 12.2006. (На яп.).

Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансуру ёрон тё:са но гайё:. Тю:гоку ни тайсуру синкинкан : [Краткое изложение опроса общественного мнения по дипломатическим проблемам за 2017 г. Дружеские чувства по отношению к Китаю] // Найкакуфу : [Кабинет министров

Японии]. 25.12.2017. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf> (дата обращения: 10.08.2020). (На яп.).

Чжунжи гуаньси ши : [История китайско-японских отношений] / под ред. Сунь Найминь. Пекин: «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ», 2006. Т. 2. 561 с. (На кит.).

Ябуки Сусуму. Танака Какуэй но мэйваку, Мо: Такуто: но мэйваку, Сё:ва тэнно: но мэйваку : [Мэйваку Танака Какуэя, мэйваку Мао Цзэдуна и мэйваку императора Сёва] // 21-ссэйки тю:гоку со:кэн : [Институт исследования Китая 21 века]. URL: http://www.21ccs.jp/china_quarterly/China_Quarterly_01.html (дата обращения: 07.08.2020). (На яп.).

Emperor Showa prevented from expressing remorse over war in '52, newly disclosed documents reveal // KYODO. 08.19.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/19/national/history/emperor-showa-prevented-expressing-remorse-war-52-newly-disclosed-documents-reveal/> (accessed: 21.07.2020).

Gordon A. (ed.). (1993). *Postwar Japan and History*. London: University of California Press.

Lind J. (2009). *The Perils of Apology: What Japan Shouldn't Learn from Germany* // *Foreign Affairs*. May/June, Vol. 88, No. 3. P. 132–146.

MacArthur aide: U.S. must learn from errors // *The Salt Lake Tribune*. 07.12.2006. URL: <https://archive.slttrib.com/article.php?id=4794305&itype=NGPSID> (accessed: 22.07.2020).

Nozaki Yoshiko. (2008). *War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo's Court Challenges*. London & New York: Routledge.

ODA ни кансүру исики тё:са [Исследование осведомлённости об ОПП] // МИД Японии. 04.2009. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/chosa/yoron/chosa_oda.html (дата обращения: 29.07.2019). (На яп.).

Ogata Sadako. (1965). *Japanese Attitude toward China* // *Asian Survey*, Vol. 5, No. 8 (Aug.). Pp. 389–398.

Ogawa Shuko. (2000). *The Difficulty of Apology: Japan's Struggle with Memory and Guilt* // *Harvard International Review*. FALL 2000, Vol. 22, No. 3. P. 42–46.

Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951 // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed: 07.01.2020).

Wilson S. (2013). *Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s* // *Journal of Contemporary History*. № 48 (3). P. 537–555.

Yamazaki, Jane W. (2006). *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. London & New York: Routledge.

REFERENCES

Asahi Shimbun. (2018). Shōwa tennō: “hosoku nagaku ikitemo...” moto jijū no nikki ni hatsugen [Words of the Showa Emperor “There is no Point in Living a Longer Life...” Found in the Diary of the Former Chamberlain], 23 August. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8R33W9L8RUTIL00W.html> (accessed: 22.07.2020). (In Japanese).

Baba, Kimihoko (2014). Sengo nihonjin ni totte no chūgoku kakumei, bunka daikakumei, ten'anmon jiken [The Chinese revolution, the Cultural Revolution, the Tiananmen Square Incident for the post-war generation of the Japanese], *ICCS Journal of Modern Chinese Studies*, 7 (2): 56–67. (In Japanese).

BBC News (Chinese version). (2019). Rang guojia wei lishi zuiguo daoqian daodi you duonan [How Difficult it is to Make a Country Apologize for its Historical Sins], 29 March. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47721207> (accessed: 06.08.2020). (In Chinese).

Benedict, R. (2007). Khrizantema i mech: modeli yaponskoy kul'tury [Chrysanthemum and the Sword: Models of Japanese Culture], Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Gordon, A. (ed.). (1993). Postwar Japan and History, London: University of California Press.

Hirakawa, Sachiko (2006). 40-dai nihonjin no Chūgokukan wo saguru [Investigation perception of China by the Japanese born in 1940s], *COE-CAS Working Paper*, №32, December. (In Japanese).

Japan Institute for Global Health. (2015). Nihon ni okeru seifu kaihatsu enjo (ODA) ni kansuru yoron chōsa kekka [Results of the Public Opinion Poll Survey on Official Development Assistance (ODA) in Japan], December. URL: <http://jigh.org/wp/wp-content/uploads/2015/12/435f296fd2f1a1e5f63cdec760de53b.pdf> (accessed: 29.07.2019). (In Japanese).

JBpress. (2014). Kokumin kanjō wo riyū ni kōhyō sūji no sōsa wo kurikaesu chūgoku [China Keeps Manipulating Official Figures Explaining it with National Sentiment], 2 May. URL: <http://jbpress.%20imedia.%20jp/articles/-/40575> (accessed: 01.10.2014). (In Japanese).

Katasonova, E.L. (2011). Murakami Takasi i ego teoriya superploskosti [Murakami Takashi and his Theory of Super Flat], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Kovrigin E.B. (2012). Yaponiya – Kitay: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Japan – China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction], *Prostranstvennaya Ekonomika/Spatial Economics*, 3. (In Russian).

Kovrigin, E.B. (2014). Yaponiya – ASEAN: evolyutsiya ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu [Japan – ASEAN: Evolution of Official Development Assistance], *Prostranstvennaya Ekonomika/Spatial Economics*, 2. (In Russian).

Kyodo. (2019). Emperor Showa prevented from expressing remorse over war in '52, newly disclosed documents reveal, 19 August. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/19/national/history/emperor-showa-prevented-expressing-remorse-war-52-newly-disclosed-documents-reveal/> (accessed: 21.07.2020).

Lind, J. (2009). The Perils of Apology: What Japan Shouldn't Learn from Germany, *Foreign Affairs*, May/June, 88 (3): 132–146.

Matsuomoto, Kazuo (1987). Chūgokujin to nihonjin. Chūhoku wo fukaku rikai suru [The Chinese and the Japanese: How to Better Understand China], Tokyo: Saimaru shuppankai. (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2009). ODA ni kansuru ishiki chōsa [Awareness survey on ODA], April. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/chosa/yoron/chosa_oda.html (accessed: 29.07.2019). (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Rekishi mondai Q&A [History Issues Q&A], 6 April. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/qa/index.html> (accessed: 02.08.2020). (In Japanese).

Molodyakova, E.V. (2007). Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni [Multidimensional Nature of the Yasukuni Shrine], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Nihon Keizai Shimbun. (2015). Shushō no yasukuni sampai, sampi wareru [Visits of the Japanese Prime-Minister to the Yasukuni Shrine: Opinions Split], 26 January. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASFS26023_W4A120C1PE8000/ (accessed: 10.08.2020). (In Japanese).

Nihon no seito, gakusei no jūgonen sensōkan to kyōkasho. Nitchū no rekishi ni kansuru ishiki chōsa [Textbooks and Perception of the “The Fifteen-Year War” by Japanese Pupils and Students. Research of the Attitude to History of Japan-China Relations]. (1996). Nikkyōgumi “Sengo 50 nen to nihon no kyōiku” purojekuto. Nitchū kyōkasho kenkyū tokubetsu iinkai [A Project of the Japan Teachers Union on “Japanese Education 50 Years after the End of the War”. A Special Japan-China Commission on Textbook Research], Tokyo: Adobantēji saba. (In Japanese).

Nozaki, Yoshiko (2008). War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo’s Court Challenges, London & New York: Routledge.

Ogata, Sadako (1965). Japanese Attitude toward China, *Asian Survey*, 5(8) (Aug.): 389–398.

Ogawa, Shuko (2000). The Difficulty of Apology: Japan's Struggle with Memory and Guilt: *Harvard International Review*, 22(3): 42–46.

Public Relations Office of the Cabinet. (2017). Heisei 29 nendo gaikō ni kansuru yoson chōsa ni gaiyō: chūgoku ni taisuru shinkinkan [Outline of the 2017 Opinion Poll on Diplomatic Problems], 25 December. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf> (accessed 10.08.2020). (In Japanese).

Seagrave S., Seagrave P. (2005). Dinastiya Yamato [The Yamato Dynasty], translation from English by Aklaev, S.A, Moscow: AST, LYUKS. (In Russian).

Sohu. (2018). Riben duihua zhengfu kaifa yuanzhu (ODA) xiangmu yu zhanzheng peikuan you guanxi ma? [Are Projects of Official Development Assistance (ODA) to China Related to Reparations?], 27 October. URL: https://www.sohu.com/a/271485243_166075 (accessed: 08.08.2020). (In Chinese).

Streltsov, D.V. (2014). Problemy istoricheskogo proshlogo v poslevoyennykh otnosheniyakh Japonii so stranami Vostochnoy Azii [Problems of Historical Past in Post-War Relations between Japan and Countries of East Asia], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Sun, Naimin (ed.) (2006). Zhongri guanxi shi [History of Japan-China Relations], Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, Vol. 2. (In Chinese).

Takenaka, Saeko (2018). Senso: to shazai hyōgen-ni kansuru nitchū taishō kenkyū [Comparative Study of War Apology Expressions in Japanese and Chinese Languages], *Toyo University Repository for Academic Resources. Economic Papers*, December. URL: <http://id.nii.ac.jp/1060/00010252/> (accessed: 06.08.2020). (In Japanese).

The Genron NPO. (2019). Dai 15-kai nitchū kyōdō yoron chōsa [The 15th Joint Japan-China Opinion Poll Survey], October. URL: <http://www.genron-npo.net/pdf/15th.pdf> (accessed: 07.05.2020). (In Japanese).

- The Salt Lake Tribune. (2006). MacArthur aide: U.S. must learn from errors, 7 December. URL: <https://archive.sltrib.com/article.php?id=4794305&itype=NGPSID> (accessed: 22.07.2020).
- United Nations Treaty Collection. Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed: 07.01.2020).
- Wang, Guangtao (2016). Nihon no sensō baoshō mondai to tai chū seisaku [The Problem of Japan's War Reparations and its Policy towards China], *Hōsei Ronshū*, September, №267. (In Japanese).
- Wilson, S. (2013). Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s, *Journal of Contemporary History*, 48 (3): 537–555.
- Xinhua. (2014). Xi Jinping zai nanjing datusha sinanzhe guojia gongjiyishi shang de jianghua [Speech of Xi Jinping at the National Mourning Ceremony Commemorating Victims of the Nanjing Massacre], 13 December. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-12/13/c_1113630100.htm (accessed: 19.07.2020). (In Chinese).
- Yabuki, Susumu (2004). Tanaka Kakuei no meiwaku, Mō Takutō no meiwaku, Shōwa tennō no meiwaku [Meiwaku of Tanaka Kakuei, Meiwaku of Mao Zedong, and Meiwaku of the Showa Emperor], *The 21st Century China Research Institute*, February. URL: http://www.21ccs.jp/china_quarterly/China_Quarterly_01.html (accessed: 07.08.2020). (In Japanese).
- Yamazaki, Jane W. (2006). Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study, London & New York: Routledge.

Поступила в редакцию 13.09.2020

Received 13 September 2020

Для цитирования: Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

For citation: Kulneva P.V. (2020). Yaponskaya agressiya v Kitaye i chuvstvo viny [Japanese aggression in China and the feeling of guilt], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026